

НЕТЕМПЕРИРОВАННЫЙ КЛАВИР.

Pr. I

Эта повесть про детство. Не такое уж и страшное и не самое травматичное. Повесть про самое нормальное детство, как я всегда считала. Про полноценную интеллигентную семью, в которой не ругаются матом, не пьют и не ссорятся между собой (по крайней мере, на людях). Про ребёнка, который живёт в мирное время, в отдельной, между прочим, комнате, ест три раза в день и не болеет тяжёлыми болезнями. Ведь это всё самое главное, остальное мелочи, тонкости. Каждый может написать что-то похожее, заменив тем самым поход к психологу.

Я допускаю, что прочитав первые несколько страниц, вы скажете: «Ну, у меня-то в детстве покруче было. Да и написать про это я могу намного интересней.» Так пишите. Даже если это никогда не издадут – пишите. Даже если не допишете и бросите на полпути (как поначалу и бывает) – пишите. Это очень помогает вырасти и окрепнуть тому ребёнку, который остался там, в детстве. Это отличная возможность понять, принять и дать защиту, пускай много лет спустя тому маленькому толстощекому мальчику (или девочке), которого никто не мог защитить в те годы, а он это помнит до сих пор, всё-всё помнит. Сидит там в самом тёмном углу скрипучего шкафа вашей памяти и ждёт.

Настоящие музыканты часто говорят, что в детстве у каждого был момент, когда родители и преподаватели заставляли заниматься и не бросать музыку, иногда используя при этом силу и ремень. Но зато сейчас они музыканты и очень благодарны своим наставникам за то, что те проявили должную настойчивость в переломный момент. Что это были за моменты? Сколько они длились и как именно их били ремнём? Каким ремнём: тонким или потолще? Какие слова при этом произносились? Таких подробностей уже никто не рассказывает, потому что это уже не столь важно. Важно, что теперь они востребованные музыканты. Я не отношусь к их числу и возможно должна быть благодарна именно за это. Хотя всякий раз, когда мне задают вопрос: «Вы музыкант?» очень хочется ответить: «Да, конечно». Но я не могу так ответить. Я не музыкант.

Г. I

Музыкантом была как раз она, та девочка, которая – нет, не выросла, вырос кто-то другой, а она так и осталась там и живёт отдельной от меня жизнью в белых колготках, красивом колючем платье и вечно жмущих туфлях. Вот и новая загадка родилась: "Кто тебе понемногу жмет не руку, а ногу?" Вера хитро улыбается и угадывает. Она много поёт низким голосом, но ещё больше сочиняет сказки. Про них никогда и никто не узнает, потому что находятся они в голове. Конечно, а как им быть на бумаге: Вера ещё очень плохо умеет писать, поэтому все истории придумываются просто про себя, а иногда и вслух, когда никого нет. Эти сказки как длинный сериал не имеют начала и конца, только бесконечное продолжение. Главным героем в них выступает, конечно же, сама Вера всегда в третьем лице, она ходит по большому лесу, да, непременно по лесу, иначе что же это за сказка; там ей иногда встречаются самые разные люди: воспитатели из детского сада, другие дети, люди из журналов, кино, книг, сказок и бабушкиных историй. Они все находятся в этом волшебном лесу и там совсем другой мир, другая жизнь, другие правила и поступки. Каждый новый виток этого эпоса начинается словами: «И вот Вера...» Это некий знак непрерывности, параллельности той жизни, происходящей в лесу, происходящий годами. Иногда кто-нибудь отрывает Веру на самом интересном месте, тогда она запоминает, на чём остановилась, и с нетерпением ждёт момента, когда наконец останется одна. Момент наступает: "И вот идёт Вера по лесу, среди тонких веточек и паутины из инея, среди плотного хвойного воздуха и мокрого мха. И слышит Вера гул, гул, гул. А гул этот гудит по всем деревьям, гул этот гудит: «Иди, иди, иди...» «Куда идти, везде так красиво и нигде никого, – думает Вера, — Справа виден просвет и поляна, набитая лучами солнца, снежная, но такая земляничная, просторная. Прямо ели, высокие, тёмные, душные, уютные ели, с такими низкими ветвями, что только на четвереньках туда можно, как в палатку. А слева (ну конечно же слева, где же ещё) среди голых скрипящих сосен видна избушка. И конечно в этом случае Вера идёт в избушку и только в избушку. Потому что эта сказка не должна кончаться, а главный залог нескончаемой сказки — наличие других персонажей. Конечно, если их не будет, можно будет оживить пни, кусты, мох, землю, и конечно же деревья. Но это запасные варианты, пусть пока будут покойны, а Вера идёт тем временем в избушку.

Страшно ли? Совсем нет, это же её сказка, её лес, в нём не может быть ничего опасного. Однако в избушке полутемно и никого нет. Пол скрипит и прогибается под ногами. Тесно, но гулко. Куда все делись? Почему здесь так пусто?..

Pr. II

Полупустая квартира, в которой я провела всю свою на данный момент имеющуюся жизнь. Я уже более чем взрослая. Мы с родителями разъезжаемся. Нет, у нас нормальные отношения, но после этого переезда они улучшатся. А сейчас я чувствую себя немного предателем, особенно когда остаюсь одна в этом пустом доме. В эти моменты, если прислушаться, стены начинают ныть. Этот дом построил прадедущка, в нём выросла бабушка, мама, брат и его дети. А теперь так дерзко по моей инициативе все покидают это гнездо. И гнезду это не нравится. Вечерами я хожу, прислоняюсь к стенам, вдыхаю их пресный запах, что-то им говорю, слушаю, прошу прощения у них и прощаю сама. Они безмолвные свидетели той жизни, которая прошла и той параллельной, которая никогда не пройдёт, которая и есть настоящая.

Так странно. Каким он будет мой новый дом? Какой будет эта жизнь в естественных условиях? Что я приобрету, от чего избавлюсь? А самое главное, смогу ли я... Ну нет, про это ещё рано думать.

Они уже переехали, мама пришла за остатками вещей. Я в ожидании своего переезда. Мы с ней сидим на полу пустой кухни, молча пьём пиво и едим сайру из банки. На окне как в сказке узоры, между стёкол висит пакет с едой. Отсюда снизу сквозь эти ледяные завитки кажется, что в нём что-то невероятно интересное вкусное новогоднее, но на самом деле там сливочное масло и плавленый сыр (даже не треугольничками, а в обычной коробке). Мама обшаривает глазами кухню, будто ищет какую-то тему для разговора. Какую-то очень конкретную, чтобы не думать о том, что мы уезжаем навсегда из этой квартиры, где все мы выросли. Взгляду зацепиться не за что: голые стены, потолок, подоконник, батарея, окно, – нет предмета для разговора. Тогда она опускает голову, будто ныряет в свой неведомый архив тем, и достаёт самую неприятную для меня:

– Ты не передумала брать его с собой?

Я облокачиваюсь на батарею, её горячие рёбра приятно впиваются в спину вдоль всего позвоночника. Сайра кончилась. Я открываю вторую бутылку пива зубами. Мама морщится, глядя на меня, пытается вырвать у меня бутылку, суёт мне открывашку в руки, но уже поздно, я открыла. Пиво зимой имеет совсем другой вкус, нежели летом. Вкус не эпикурейства, но подземного перехода.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Я не хочу отвечать на твой вопрос.

Мы долго сидим молча. В какой-то момент мама начинает убирать (хочется написать «со стола», но стола уже нет) посуду и мусор. Её тяга к беседам непреодолима:

– Ты всё равно не прикасаешься к нему.

– Ничего страшного.

– Нет, ты объясни, зачем оно тебе?

– Если беру – значит надо.

– Тебе сейчас нужны деньги, у тебя есть время его продать. Ты умудрилась продать даже стаканы и рюмки из разных наборов, даже костыли и прабабушкины книги по генетике. А никому не нужное пианино – ну никак. Уперлась и всё.

– Да всё.

– Ты за пятнадцать лет ни разу не играла на нём.

– Откуда ты знаешь? Откуда? Если ты не слышала — это не значит, что я не играла.

— Так ты играла?

Я молчу. Мама допивает своё пиво, выкидывает бутылку и делает вид, будто её совсем не задел этот разговор. Я не знаю, что она теперь думает про всю эту историю и не узнаю никогда. У нас в семье не приняты откровения.

Ф. II

В этот лес не всегда так просто попасть, чтобы именно в тот момент, на котором остановишься. Порой, когда долгое время не возвращаешься туда, приходится начинать издалека, заходить в лес заново из разных более привычных мест: Вера всё-таки городской житель...

... И вот Вера долго шла вдоль забора... Так, нет, она уже прошла забор, перелезла его, а потом там ещё были гаражи и другой забор, а в нём дырка, но слишком маленькая... А там ещё собаки... На чём же я остановилась...

...И вот Вера подошла к реке. Широкой и тёмной, с большими льдинами. У причала в воде толпились утки. Среди них наверняка был тот самый гадкий

утёнок, отсюда сверху не видно. Жалко, что хлеба нет. Может быть, всё-таки есть? Надо посмотреть в узелке. Да-да, у Веры с собой узелок, как у настоящего одинокого странника. И точно – осталось немного крошек от обеда. Но утки – не голуби, что им крошки. Ладно, некогда отвлекаться, надо держать путь в лес. А как его держать-то, если через реку? Прыгать по льдинам только. Утки гогочут, лёд под ногами скользит, а Вера прыгает и прыгает вперёд. Вот уже середина реки, вода чернеет, обкусывая края льдины, и начинает уносить её по течению. Ну уж нет – и Вера ловко (да-да, непременно ловко, не поскользываясь) перепрыгивает дальше и дальше, пока не добирается до берега. Теперь можно передохнуть и даже как-то подсушить ноги. Лес начинается на холме возле реки. Над ним стоит высокое красивое мраморно-серое небо. Снег уже подтаял, окружив каждый ствол чёрной глубокой лункой, будто деревья воткнуты в землю силой, как иглы в игольницу. Проталины под стволами чёрные-пречёрные, невозможно даже разглядеть, насколько глубоко они уходят в землю. Вера идёт по самому краю леса. Хрупкий весенний снег лежит коркой с серыми каплями. Поэтому каждый шаг заканчивается маленьким провалом. Наступаешь – вроде бы нормально, твёрдо, но стоит чуть сильнее нажать – и нога с треском проваливается в вязкий подтаявший снег. Шаг – провал, шаг-провал. Пахнет землёй и мокрым деревом, его корой. Еле слышен гул, многоголосый стройный и объемный, как тысяча камертонов, как звон в ушах, только не звон. И вот наконец Вера решается зайти вглубь.

Pr. III

Когда я пытаюсь представить, как это могло быть, у меня ничего не получается, потому что это происходило шесть лет подряд, прочно сформировавшись в образ жизни, крепко засев где-то внутри. Мне всегда казалось, что именно так, как это происходило в моей жизни, так и случается у всех, кто начинает заниматься музыкой. Но стоит начать рассказывать эту историю, все очень удивляются, почему я люблю сейчас музыку, пишу о ней пьесы и картины и даже иногда... Впрочем, нет.

Хотя начало-то как раз, наверное, у всех примерно одно и то же: ах-ах-ах, у ребёнка идеальный слух. Я начала этого я не помню, но мне конечно рассказывали про мои первые визиты на разные концерты и даже на оперу "Сельская честь". Думали, что усну, устану, заскучаю, но мне действительно

очень понравилось. Конечно, по смыслу я, скорее всего, ничего не поняла, но разве это главное в опере.

Мой дедушка был тапёром. От него осталось пианино, которое стояло у бабушки. Старое, немецкое, чёрное с клавишами из слоновой кости и золотыми вензелями. Собственно оно и сейчас стоит у меня. Когда никто не видел, можно было трогать клавиши. Беззвучно, конечно. Если случайно звуки всё же извлекались, бабушка очень возмущалась:

– Перестань брэнчать!

– Я не брэнчу, я играю.

– Чтобы играть, нужно много лет учиться! Нужно по десять часов в день играть до седьмого пота, пока руки не сведёт судорогой.

Бабушка вообще очень любила такие суровые присказки. Когда я маленькая падала и плакала, она прикрикивала: «А рожать ты как будешь, а? Это в миллион раз больше, на стенку полезешь. А ну утри сопли». И если насчёт рожать я тогда подумывала, что можно обойтись и без этого, то насчёт музыки я не сомневалась: семь потов, судороги и каторжный труд, – я готова, давайте.

Далее был сакральный вопрос от родителей:

– Ты хочешь заниматься музыкой?

– Да.

Больше разговоров на эту тему не было. Огромный замок под названием "ты же сама хотела" защёлкнулся и ключи от него улетели в форточку. Я же сама хотела, но как-то по-другому хотя бы через раз. А другого не было и мне казалось, что и не бывает.

Сначала всё было волшебно: подготовительный класс, в котором было одно сольфеджио, моё любимое и тогда, и потом, и даже сейчас. Это было сплошное веселье. Рисовать ноты и петь, петь, хором и по отдельности. Там и танцевать можно было, и я блаженствовала в сладостном предвкушении самого главного. Специальность началась не сразу: то ли программа такая была, то ли моя учительница никак не могла отойти от летних каникул и вернуться к работе. Мама уже виделась с ней, а я ещё нет, поэтому долго и занудно выпрашивала:

– Ну расскажи, какая она. Ну хоть чуть-чуть.

– Да обычная. Хорошая учительница.

В голове моей не укладывалось, что со мной одной будет заниматься целая учительница. Ведь ни в детском саду, ни в школе, ни на сольфеджио даже такого нет.

– Мам, ну ещё расскажи. Она с длинными волосами или с короткими?

– Ну... Как тебе сказать... Они не длинные. Но и не короткие.

(Помните эти чумовые прически начала девяностых, когда верхняя часть головы пышно и коротко, а снизу хвосты длинные? Во-о-о-от.)

– А волосы какого цвета?

– Тёмные.

– Чёрные?

– Ну, пожалуй, что и чёрные.

– А она высокая или низкая?

– Невысокая.

– А худая или толстая?

– Да какая разница?

– Как это какая! Очень большая, ну мама, рассказывай!

– Ну не худая, это точно.

– Значит, толстая.

– Ну что значит толстая, Вера, так не говорят про учительницу. Полная. Ну, не такая уж она и полная. Нормальная.

– Молодая или старая?

– Вер, ну откуда я знаю? Средних лет.

Ну вот как можно с ней о чем-то говорить. В общем, ничего внятного я так и не выпытала. Не худая, не толстая, не молодая, не старая, не высокая, не низкая, – что за учительница...

– А как её зовут?

– Зовут её Нелли Гургеновна.

Каково? Я даже не нашлась, что на это сказать. Что-то, конечно, дрогнуло внутри в этот момент, да вроде и нет, показалось.

– А, – сказала я, расспросы про учительницу музыки прекратила и всё равно стала ждать того дня, когда наконец увижу её. Может быть, предчувствие обманывает меня? Я же встречала до этого людей непонятной наружности и с очень хорошим нравом. Даже завуч музыкальной школы тоже с именем Нелли была добрейшей тёткой. Но она была не Гургеновна, правда. Да, видно, дело было в этом.

Первая наша встреча стерлась из памяти, осталось только долгое ожидание перед этим, часа четыре, к которому я потом привыкну. Возможно, сначала всё было и хорошо, но длилось это совсем недолго. Я всё пыталась вспомнить тот момент, когда всё пошло не так, но у меня никак не получалось. Это случилось плавно, быстро и необратимо, как провал в наркоз. И так происходило абсолютно со всеми, кто попадал в её руки.

Ф. Ш

– Девочки, мойте руки, пока не остыло всё! Юра, ты где?

Под потолком коридора висит сочный туман: пар из ванной с запахом хозяйственного мыла и нежный аромат картофельной кожуры с кухни. В темень коридора то и дело врываются лучи из хлопающей двери комнаты, где живёт семья Юры: дети идут есть. Соседка гремит тазами в ванной, пропуская всех мыть руки. О маленьких тазах даже и говорить нечего, а вот большой... С какой чистотой и торжественностью он гремит, особенно когда его несут с улицы в подъезд. Пустой, блестящий, гордый таз... Эх, жалко, что соседкин...

– Юра, сейчас всё съедят без тебя! Иди мой руки! Циля, его нет в ванной? Ты не видела, где он?

– Как же, видела, в шкафу он сидит.

– Господи, опять в шкафу...

– Тося, ты не обижайся, но мне кажется, парень у вас это... Того...

– Чего «того»? – Юра, со скрипом приоткрывая дверцу шкафа, вылезает из него в коридор, – Вот чего я «того»?

– Чего-чего! А чего ты в шкафу целыми днями сидишь? Все вон в комнате, как люди сидят, а ты вон в шкафу. Конечно «того»!

– Вы, Циля Борисовна, не знаете, а говорите понапрасну. Я же не просто так сижу, у меня дело там, раз сижу. И может, важное дело.

– Это какое-такое «важное дело» может быть в шкафу?

Юра молча оттирает соседку от раковины, долго возится, расстёгивая пуговицы на застиранных манжетах рубашки, засучивает рукава и наконец моет руки, впрочем, без мыла.

У него действительно важное дело в шкафу. Дело всей его небольшой на тот момент жизни. Потом будут, конечно, куда более важные дела, которые затмят это. Потом будет бескрайний океан и корабль, потом дети-дети, неутомимая борьба с бандитами, и — самое главное — рождение Веры. Но это нескоро, это не сейчас. Сейчас Юра идёт есть картошку с чёрным хлебом, посыпанным солью, а потом снова в шкаф, в котором так долго тянутся и звуки, и время.

Pr. IV

В первое пасторальное время у меня была красивая коричневая тяжеленная папка с чёрными верёвочными ручками и нарисованной лирой. Я

складывала в неё ноты листок к листку и с гордостью шла «на музыку». Школа находилась на трамвайном перекрёстке, выступая на него острым углом как корабль. Красивое старинное здание, оштукатуренное вкусно-розовым с белым, как песочное пирожное «Полоска». И сыпалось оно тоже как пирожное, стоило неосторожно впечататься в стену на бегу. Широкие подоконники, узкие окна, тесные тёмные коридоры, где разойтись могут два человека, не больше. Душные классы и холодные просторные залы для концертов. Пахучий паркет, в проходных местах прикрытый линолеумом, и огромные тяжёлые пыльные шторы, в которые можно было прятаться и плакать.

Была такая простая песенка, которую я разучивала. Я играла её как и положено сто раз подряд, а она вышагивала в такт музыке по классу и громко и хрипло пела:

Вот идёт журавель

С журавлятами.

А за ним лягушка скачет

С лягушатами.

Чёрное, облегающее её пухлое тело, платье перетянута в районе талии тонким золотым ремешком, на который сверху наплывают складки.

– Ля-гуш-ка ска-чет. Ещё раз ля-гушка.

Осеннее жёлтое солнце светит во все три окна, Нелли Гургеновна стоит против света, облокотившись на теплую поверхность рояля. Чёрный резной пюпитр инструмента, тонкий профиль с горбатым носом, звон трамвая за окном. Она думает о чем-то своём и поет. Я играю. Это было вполне хорошее начало истории. Я была готова играть и вникать в эту странную песню, хотя если вдуматься: какого чёрта лягушка с лягушатами скачут за журавлем? Зачем? Ладно, лягушата, они маленькие, глупые, но лягушка-то должна иметь какой-то инстинкт самосохранения и понимать, что журавль её съест. Вот так мудро рассуждала я тогда, в начале, а потом незаметно сама превратилась в такую же тупую лягушку, скачущую за журавлём.

Лягушка скачет

С лягуша-та-ми.

Она что-то объясняет, я пытаюсь сделать. Она встает за моим плечом, наклоняется, упирает в мою ладонь снизу свой указательный палец и поет мне прямо в ухо про этих лягушат. Её волосы почти касаются моей щеки. Душный запах восточных сладких духов. Конечно, жутковато, но пока я чувствую себя спокойно и защищённо. Пальцы аккуратно выводят мелодию. Голую беззащитную мелодию, пока без подкрепления.

Ф. IV

... И вот Вера углубилась в лес. Сзади ещё виден просвет, но уже совсем чуть-чуть... Ну и пусть, не страшно, так даже лучше. Такой укромный лес. Ветер дует где-то наверху, в верхушках, а здесь тихо, только мокрый снег причмокивает под ногами. Носки уже промокли, но пока тепло. Везде что-то капает, хлюпает в почти торжественной тишине. Столько звуков. Вера снимает шапку, кладёт её в узелок, оглядывается и идёт дальше. Всё дальше и дальше... Всё дальше и дальше. Туда... Куда туда? Ну туда. Что непонятного? Туда, где её ждут. Когда тебя где-то ждут, то можно идти сколько угодно, идти с радостью. Только, чур, там по-настоящему ждут, радостно, а не просто «где была – почему так поздно – мы все морги обзвонили». Какое счастье, что можно вот так легко придумать, что тебя ждут. Можно, конечно, придумать, что вообще лето, но нет, должно же это как-то походить на реальность, чтобы как будто взаправду. И вообще Вера любит зиму, так что ей нормально так ходить, тем более тут невозможно простудиться. Деревья покачиваются и слегка гудят, как пианино, когда педаль. Да-да, та самая педаль, до которой Вере пока не достать. Заветная педаль, о которой столько томительных мечтаний и предвкушений. Можно приложить ухо, и тогда слышны ещё и другие звуки, у каждого дерева разные. Некоторые будто пустые внутри и звук этот идёт из земли куда-то вверх внутри ствола. Если бы можно было спеть звук «б» длинно-длинно, то это было бы именно то. Как орган. Да-да, точно орган. А если это не лес, а просто большой орган, то вообще не страшно, даже несмотря на то, что уже смеркается. Но прежде чем уснуть, надо найти место для Веры, нельзя же её так оставить. И видит Вера деревья, деревья, снег, избушка вдалеке... нет, в избушку мы уже ходили, там было как-то... Ну в общем — нет, без долгих объяснений. И видит Вера в одном из деревьев огромное дупло. Чёрное и